

И. В. Ершова^{ab}

ORCID: 0000-0001-7319-2945

✉ i.v.ershova@list.ru

^a Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)

^b Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ФЕХТОВАНИЯ (ПЕРЕВОД ФРАГМЕНТА ТРАКТАТА ХЕРОНИМО ДЕ КАРРАНСА «О ФИЛОСОФИИ ПОЕДИНКА И ЕГО ИСКУССТВЕ»)

Аннотация. Впервые на русском языке публикуется фрагмент ренессансного трактата Херонимо де Карранса «О философии поединка и его искусстве» (*De la Filosofía de las Armas y de su Destreza*), считающегося началом нового направления в европейском искусстве фехтовального боя, который получил название «дестреса» (само слово обозначает «мастерство, искусство»). Будучи объектом исследований и реконструкции в рамках исторического фехтования, дестреса известна прежде всего по сокращенным пересказам науки Каррансы в изложении испанских и французских мастеров фехтования (Нерваэса, Тибо). Сам же трактат, состоящий из Пролога, вводных стихов и основного текста, включающего четыре диалога, по сей день остается без современного издания. Причиной этому стала излишняя, по мнению современников и потомков Каррансы, «философичность» его учения, претендующего на создание не только разработанного в деталях руководства ведения фехтовального поединка, но и науки об овладении мастерством фехтования. Учение это опирается как на философские и естественнонаучные основания, так и на христианскую этику.

Ключевые слова: Херонимо де Карранса, искусство фехтования, дестреса, история фехтования, гуманистический диалог

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Ершова И. В. Из истории европейского фехтования (перевод фрагмента трактата Херонимо де Карранса «О философии поединка и его искусстве») // Шаги/Steps. Т. 8. № 2. 2022. С. 300–312. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-300-312>.

Статья поступила в редакцию 9 апреля 2022 г.
Принято к печати 12 апреля 2022 г.

I. V. Ershova^{ab}

ORCID: 0000-0001-7319-2945

✉ i.v.ershova@list.ru

^a The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)

^b A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)

EXCERPTS ON THE HISTORY OF EUROPEAN FENCING (TRANSLATION OF A FRAGMENT FROM THE TREATISE BY JERONIMO DE CARRANZA)

Abstract. The publication contains the first Russian translation of the Renaissance treatise “On the Philosophy of Arms and its Mastership” by Jerónimo de Carranza. This treatise is considered to be a starting point of a new trend in European theory of fencing combat that was named *Destreza* (the word meaning “mastership, art”). As an object of investigation and reconstruction primarily within the framework of historical fencing, *Destreza*, is mainly known from the abridged versions of Carranza’s art as retold by French and Spanish masters of fencing (Narvaez, Thibault). However, Carranza’s composition, consisting of Prologue, introductory verses and the treatise itself that includes four dialogues, still lacks a modern scholarly edition. That is due, partly, to the excessive (as both contemporary and posterior critics see it) philosophical scope of the treatise that claims not only to produce a detailed technical manual for fencing combat, but to create a specific science of mastering swordcraft. This noble science is based both on philosophical foundations combined with natural sciences, and on Christian ethics as well.

Keywords: Jerónimo de Carranza, history of fencing, the *Destreza*, humanistic dialogue

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPa state assignment research programme.

To cite this article: Ershova, I. V. (2022). Excerpts on the history of European fencing (translation of a fragment from the treatise by Jeronimo de Carranza). *Shagi / Steps*, 8(2), 300–312. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-300-312>.

Received April 9, 2022

Accepted April 12, 2022

В 1569 г. в городе Санлукар-де-Баррамедра при дворе герцогов Медина Сидония был создан уникальный текст, судьба которого одновременно оказалась необычайно счастливой и весьма печальной. Автор книги, посвященной разработанной им методике ведения фехтовального боя и получившей наименование *Destreza*, — севильский дворянин, гуманист, ученый, лучший и самый знаменитый фехтовальщик (*diestro*) эпохи и легендарный создатель национальной школы фехтования (именуемой *Verdadera Destreza*) Херонимо де Карранса (Jerónimo de Carranza), яркий политический и военный деятель испанского XVI века, названный Сервантесом образцом «человека битвы и буквы». Дон Херонимо Санчес де Карранса, командор ордена Одежд Христовых (правопреемника ордена тамплиеров в Испании), будущий губернатор Гондураса, был, по описаниям современников, человеком большой культуры, гуманистически образованным, любезным, галантным кавалером, строгим в манерах и стойким в воззрениях. При дворе седьмого герцога Медина Сидония дон Херонимо де Карранса выполнял обязанности более широкие, нежели учитель фехтования. Как считает Сауседо Моралес [Saucedo Morales 1997: 41–46], обязанности Каррансы при дворе герцога не подразумевали обучение фехтованию. Это выглядит достоверно, к тому же и сам автор в прологе сообщает, что он оставил практику фехтования ради создания теории. По-видимому, он был кем-то вроде «придворного сочинителя», что позволило ему целиком погрузиться в написание своего трактата «О философии поединка и его искусстве и о христианском способе нападения и защиты» (*De la Filosofía de las Armas y de su Destreza y de la Agresión y Defensa Cristiana. Sanlúcar de Barrameda, 1582*).

Счастливая судьба книги объясняется тем, что автор «истинного искусства фехтования», или дестресы¹, — метода ведения боя, основанного на математических исчислениях и геометрии, а также на целой системе философских и теологических положений, — создал столь эффективную фехтовальную науку, что она, продолженная многими величайшими знатоками фехтовального дела, такими как ученик Каррансы, Луис Пачеко де Нарваэс, обрела всеевропейскую славу и известность. *Verdadera destreza de las armas* (Истинное искусство фехтования) — это нечто противоположное обычному фехтованию (*esgrima*), которое автор считает простой совокупностью приемов (*tretas*), не содержащей какого бы то ни было научного обоснования.

Вместе с тем судьба этого трактата печальна, потому что потомкам осталась неизвестна сама «философия» фехтовального искусства, которая, по общему мнению, не имеет аналогов в истории европейского фехтования. Никто, кроме Херонимо де Карранса, не пытался с помощью Платона и Аристотеля, Луллия, Галена, Гиппократы и Эвклида (и это лишь часть источников) растолковать, как лучше фехтовать, т. е. как отнестись к фехтованию не как к ремеслу, которому может обучиться не только человек благородный (*noble*), но и чернь, толпа (*vulgo*) — термин, которым Карранса

¹ Расхожее обозначение на русском языке теории и практики фехтования Каррансы — *дестреза*, что неверно как с точки зрения современной испанской фонетики, так и в исторической перспективе (в XVI в. это слово должно было произноситься [destredza]). В современном испанском языке звук [z] отсутствует, и название искусства Каррансы произносится как [дестреса], такое написание предпочтем и мы.

называет не людей низшего сословия, но тех, кто дискредитирует высокое военное искусство.

Печальная судьба трактата отразилась в том числе на издательской судьбе книги. Век, который прекрасно был знаком с понятием многотиражности, где все мало-мальски ценное и интересное немедленно издавалось, переиздавалось, продолжалось, ни разу не переиздал Каррансу. По-видимому, книга показалась странной и чрезмерно сложной ровно той аудитории, которой она была адресована. Ее не только ни разу не переиздали в XVI–XVII вв., но и не сделали современного издания. Не существует также ни одного перевода на европейские языки, ведь текст сложен для чтения не только с точки зрения философской эклектики, собственно терминологии фехтовального боя, не всегда совпадающей с сегодняшней, но и издательских норм и лингвистических особенностей языка XVI в.

Заметим, что сам Карранса пытался сделать все возможное, чтобы преподнести свой текст не просто как фехтовальный учебник (*ars* — в том числе и учебная дисциплина), но и как сочинение в модном гуманистическом духе. Искусство фехтования в устах Каррансы должно, по его замыслу, стать наукой и философией боевых искусств. Он сопроводил текст вводными октавами, кратко описывающими предмет науки и ее цели, снабдил его прологом, в котором весьма многословным наукообразным языком описал свою миссию. Пролог к трактату задает все основные темы излагаемой знаменитым фехтовальщиком науки боя: истинное мастерство фехтования в противовес дурному владению шпагой; фехтование — не просто практический навык, но наука, обучаться которой следует серьезно и тщательно; как и любая наука, истинное мастерство фехтования неразделимо с этическими нормами и требованиями к обучающемуся. «Философию поединка» Карранса понимает как многокомпонентную науку, истинное знание искусства фехтования, при этом овладение им — процесс сложный и интеллектуальный, это не просто опыт и практика, но прежде всего познание истины и обретение доблести и добродетели. Это прямое воплощение той максимальной «высоты духа», которой только и может достичь человек.

Перевод выполнен по изданию [Carança 1582].

Пролог

Херонимо де Карранса — Сиятельному сеньору герцогу де Медина Сидония, моему господину

Полагают, Сиятельнейший сеньор, истинным, что опыт есть отец науки²; явствует также с очевидностью, что ни то ни другое невозможно постигнуть человеческим разумом, не затратив значительных усилий и длительного времени, поскольку одна часть сопряжена с опасностью, а другая — со сложностью; между тем оба

² Исп. *Experiencia es Madre de la Ciencia*. Расхожее выражение, в том числе используемое Сервантесом (1, 21); при этом в более ранних литературных источниках, по-видимому, не встречается, и можно предположить, что Сервантес мог заимствовать его именно у Каррансы, с трактатом которого он, как свидетельствует текст «Дон Кихота», был отлично знаком.

метода превосходны и весьма полезны как для осуществления верного правления и занятий политикой, так и для продвижения самой Жизни, а также для воссияния и приукрашения божественного и бессмертного Духа, который не только лишь управляет — к счастью и благоденствию — ходом человеческой жизни, но и (ибо не от благ Фортуны проистекает и не подвержен порче) провожает освященные души к небесам, где спешествует их большим славе и блаженству. Размышляя о том наедине с собой долгое время и наблюдая нынешние обстоятельства, свойства и наклонности людей, излишнее самоволие простого люда, а также манеру владения искусством фехтования (*Destreza*) и дурно применяемую доблесть, принял я — учитывая пользу сего — нелегкое решение довести сей труд до завершения с тем, чтобы в некоторых делах люди исправились, а в остальных — научились терпеливо ожидать подходящего случая. Прежде всего я решил правдиво обнаружить величайшие заблуждения, чтобы стало ведомо то, что является скрытой причиной публичного оскорбления, наносимого Господу нашему, и сделаю сие с помощью истинных доблести и искусства ведения боя³, подвергнув их обновлению и полному преобразованию. Кажется мне, что если бы я принялся устанавливать заново специальные законы искусства фехтования, не сообщив открыто то, что должен сказать, труд мой пропал бы попусту, не принеся никакой пользы и не достигнув своей цели — пресечь в корне то зло и те заблуждения, что всю проросли в народной глубине ростками недомыслия.

В этом деле подражаю я разумению и совету тех мудрых врачей, которые, получив в свое распоряжение тело, немощное и наполненное дурными соками⁴, не довольствуются тем, что ради желаемого оздоровления дают больному какое-либо легкое снадобье, которое не помогло бы в других вещах, а лишь ухудшило бы дело, не извлекая болезнь наружу; но, прежде взглядевшись во владения недуга во внутренних органах, назначают столь неистовое и мощное лечение, что, желая изъять зло с корнем и тем самым сотрясая все тело, удаляя из него все соки, очищая его от всех зол, причиняют ему поначалу небольшой вред, и только затем уже, сообразно с правильными указаниями, начнет оно выздоравливать, восстанавливать мало-помалу утраченные силы и здоровье.

Тем же самым способом и я хочу ныне излечить и врачевать искусство фехтования, поскольку оно, подобно больному телу, истощенному дурными соками, во всех своих частях пропитано и испещрено значительнейшими изъянами; а посему я не желаю применять нежное и приятное на вкус снадобье, то есть сперва дать мою науку — я могу называть ее своею, поскольку освоил ее без какого-либо наставления, — которая лишь усугубила бы плачевное состояние этого искусства, не излечив его недугов, и лишь подтолкнула бы к неизбежному и решительному врачеванию, каковое выкорчевало бы все хвори одним махом, хотя и оставило бы тело черни⁵ отчасти истерзанным. Однако впоследствии и с помощью истинно-

³ Исп. *Valentía y Destreza* — две составляющие идеального владения искусством боя, одна относится к моральным добродетелям, другая к физическому совершенству.

⁴ Исп. *Humor* — термин медицинских трактатов того времени. Гуморальная теория состава человеческого тела, созданная Гиппократом, активно использовалась в философии и медицине античности и Средневековья. Появление медицинской метафоры в рассуждении о науке фехтования естественно, поскольку она входит в блок соприкасающихся между собой наук, к которым обращается в своем трактате Херонимо де Карранса, — алхимия, астрология, философия, медицина.

⁵ Исп. *Vulgo* — Карранса употребляет это слово с частым для ренессансной ученой литературы значением «толпы, черни», которая противостоит культуре и которую надо «лечить», т. е. окультуривать. При этом принадлежность к черни не сводится только к социальному аспекту.

го искусства фехтования оно смогло бы излечиться и набраться сил, дабы вечно пребывать в добродетели. Тем самым в качестве первой ступени на пути к выздоровлению следует распознать недуг, которым страдает больное тело, а затем вырвать его из обстоятельств, в которых имеют обыкновение зарождаться дурные для самочувствия веяния.

Итак, дабы достичь преобразования фехтовальной науки, следует изучить и заявить во всеуслышание, откуда проистекает наиболее ощутимый вред для искусства боя и государства⁶. Несомненно, никто не может быть столь невежественен, чтобы не суметь рассудить про себя, кем же являются те, кто столь непомерно ослабил и привел к упадку состояние государства и великолепие власти; даже если бы этот некто пренебрег проистекающим отсюда уроком, цenia слепую отвагу и дерзость необузданной черни (она же подобна испражнениям и есть не что иное, как подошва ступней этого тела, самая низменная часть слаженного организма целого государства)⁷. Так кто же они такие — те, кто оставляет это все без внимания? Этим пренебрегают — и с величайшим вредом для себя — те, кто равнодушно наблюдает, как утаиваются и остаются без возмездия преступления людей, дурно владеющих фехтованием, как эти люди набираются день ото дня все большей дерзости, как ради безудержной отваги все больше укореняются в них бесстыдство; и есть все основания опасаться, что наступит время, когда, желая использовать свое законное превосходство, истинные фехтовальщики, взявшись за обучение, обнаружат вокруг себя людей столь закоснелых и упорствующих, что даже величайшие усилия учителей не сумеют укрепить их в разуме, невеждам же, в свою очередь, не суждено будет когда-либо руководствоваться разумом.

И выходит так, что благородные и добродетельные занятия среди людей битвы и слова⁸ — как в боевом деле, так и в учености — пользуются ныне наименьшими ценностью и почетом у толпы ввиду ее низости и дурных наклонностей и из-за малого рвения к добродетели, а также поскольку — и это самое тяжкое, хотя и кажется не таким страшным, — среди людей благородных и великодушных оскудевают день ото дня дарования, все менее ценят они упражнения в оружии и добродетели и все реже обращаются к ним; а ведь именно в них и заключены все те честь и слава, коих достигали блистательнейшие из их предшественников, исстари облеченные значительным авторитетом и доверием. И не вызывает даже малейшего уважения то, чему человек считает важным научиться, чтобы он смог претендовать на звание славного и истинного обладателя этих достоинств, полагаясь не только лишь на славу своих предшественников, оставивших своим потомкам больше трудов, нежели почета, но и на признание достоинств и чести его собственной личности, ведь только в том и заключена подлинная сила истинной

⁶ Херонимо де Карранса использует слово *Republica* в его самом общем значении, как государство вообще, наследуя тем самым римской традиции употребления этого термина.

⁷ Сравнивая государство с физическим телом, Карранса следует традиции, идущей еще от Платона. В Средние века она приобрела свой законченный вид в трактате «Поликратик» (Policratus) Иоанна Солсберийского (1159) [Ле Гофф, Трюон 2008: 160]. Сравнение черни с подошвой — по-видимому, добавление самого Каррансы.

⁸ Средневековый и ренессансный идеал «*hombre de armas y letras*» исповедуется испанским дворянством еще со времен Альфонса X Мудрого (XIII в.); в Испании эпохи Возрождения он становится еще более востребованным и почитаемым, поскольку отвечает идеальному образу придворного, сформулированному гуманистами, например, в книге Бальтасара Кастильоне «Придворный». Ее испанский перевод был выполнен известным поэтом Хуаном Босканом и издан в 1534 г. Идеальным воплощением этого идеала Сервантес назовет самого Херонимо де Карранса.

доблести и добродетели. Если же прибавить к этому отсутствие наук, случившееся из-за вреда, нанесенного им дурными людьми, то и выйдет, что дожили мы до тех пор, когда добро едва ли имеет какие-либо ценность и осознание. И вот уже не в силах мы вынести наши собственные пороки, которые, будучи сдобрены расслабляющим бездельем, порабащают нашу свободу и, причиняя вред душе, становятся столь могущественными, что держат добродетель в изгнании; худшее же заключается в том, что мы не можем позволить известным нам средствам лечения принести пользу, ибо предаемся самым несправедливым развлечениям, подтачивающим телесные силы и ослабляющим мощь разума.

К величайшему сожалению, рыцари, главным отличием которых должен быть мужеский дух, ныне все более напоминают женщин или, лучше сказать, разодетые изваяния, не пригодные ни для опоры в мирное время, ни для защиты во времена войн; и даже кажется, что некоторые из них родились на свет лишь затем, чтобы представлять в комедии наряженные безмолвные фигуры⁹, словно давая понять, что сущность рыцарства заключена не столько в явленном нам образчике их труда, лишаящего их подобающей им чести, сколько в презрении к величайшим умам и пренебрежении знатоками, которое они стремятся кичливо выставить напоказ ради обретения этой самой чести, не имея ни единой причины или повода ее заслужить. Несомненно, истинная честь, свидетельствующая о доблести¹⁰, должна завоевываться лично, без заверений в том, что доблесть наследуется подобно почету и богатству, которые, будучи обретенными силой и доблестью мертвых, достаются в наследство от предков и почитаются господами, их наследниками, в том числе и простолюдинами.

Мы видим, исходя из некоего опыта, что ни одно благое дело не задерживается у нас, поскольку по мере того как людская злоба произрастает из загрязненного источника зависти, убывают правда и доброта, и по мере того как ширится пространство, постепенно достигающее порокам, исчезает все то, что мы зовем доблестью, так что все, что остается, — это лишь звучание имени, а сама жизнь, завершая свой ход, оканчивается человеческими слабостью и убожеством. У меня есть немалые основания утверждать, Сиятельнейший мой сеньор: истинно, что именно дурные нравы являлись всегда причиной необходимости установления образцовых и честных законов; так и я, наблюдая злоупотребления в искусстве фехтования, возжелал реформировать его, сделав его не менее свободным искусством¹¹, нежели другие, — ведь известно и очевидно, что искусство это испорчено изрядным высокомерием черни, завистью и ненавистью, испытываемой ею к знатокам, — и тогда не останется причин остерегаться какой-либо опасности в городе, и, несомненно, явится надежда, что, овладев мастерством фехтования, эти люди растеряют злую спесь, столь возросшую от пороков, а также обретут понимание того, что беспорядочное насилие не может быть продолжительным, что нельзя довольствоваться лишь свободой их дурных нравов без всякого почтения к законам неба и земли. И пока они наконец не захотят в любом деле сообразовыв-

⁹ Автор имеет в виду «pasos de figuras mudas», своего рода пантомимы, которые исполнялись в промежутках между актами комедии или по ходу театральных процессий.

¹⁰ Исп. *Virtud* — важнейшее понятие эпохи, означает и добродетель, и доблесть; для Херонимо де Карранса эти понятия по сути синонимичны, поскольку добродетель воплощается у него в проявлении истинной доблести и во владении искусством фехтования.

¹¹ Автор полагает необходимым причислить обучение науке фехтования к «свободным искусствам» (*Artes liberales*), набору обязательных дисциплин, унаследованному от поздней античности, в университетском образовании европейского Средневековья.

ваться с волей Бога, будет падать на них — через людское посредство — наказание Господне, одних осуждая и посрамляя за их злодеяния, других оставляя без покаяния из-за насильственной смерти; именно от таких людей происходят для государства величайшие беды, ведь когда так велико неравенство в нравах, то оно оканчивается постоянной завистью, а также рождаются между теми и другими распри, раздражения, несправедливости и вражда, происходящие либо от нетерпения искусных мастеров, не могущих выдержать бесстыдство черни, либо от высокомерия невежд в отношении людей знающих, поскольку дурные люди полагают, что все должны воздавать им почести за их бахвальство и выдумки.

Порокам легче поддаются юноши молодых лет, меж тем у взрослых, упорствующих и исполненных давней злобы, укоренившейся в них еще в цветущей юности, больше разума и изворотливости в любом деле. Молодые не могут и не желают каким-либо способом умерить беспокойный пыл своих душ, а посему, по твердому моему разумению, если бы в ту пору нашелся некто, кто смог бы обуздать умеренной доблестью горячность их умов, то из них получились бы честные и полезные граждане, поскольку даже в злодеяниях и выдумках демонстрируют они немалую остроту умов¹², хотя и имеют плохих учителей, а ведь все знают — и это есть установленная истина — каковы учителя, таковы в большинстве своем и ученики. И пример таких наставников распространяется, словно болезнь по телу, по всей массе их сторонников, так как известно, что никто не может научить другого большему, чем знает сам, ибо если желают рассуждать о движениях и привязанностях души и о прочих подобных вещах в природе люди невежественные и дикие, рабы своего живота, такие, кто лишь с превеликим трудом может узнать о самых ничтожных земных делах, то от них не только нельзя ожидать никакого благоразумного и мудрого совета, но следует опасаться, что они своим несведущим и дерзким мнением возжелают уничтожить и порушить то занятие, которое более подходит и приносит пользу людям чести. И куда как удачливее были бы наставления, если бы давали их лишь мастера своего дела, однако, увы, учителя таковы, какими мы их описали, то есть не уделяют того внимания, которого требует нежный юный разум, больше интересуясь заработком, нежели тем, что изучают молодые люди.

Истинно, что лучшее и полезнейшее занятие, существующее в государстве (хоть оно и кажется испорченным небрежением и злоумышлением невежд), это обучение юношей военному делу, ведь они та нежная поросль, с которой взращивается всеобщая надежда на то, что, достигнув зрелости, принесут они плоды, сообразные учению, высаженному в их незрелые детские души учителями, к которым следует относиться с доверием. И по сей причине полагаю, Сиятельный мой сенатор, наиважнейшей вещью взять под строгий надзор хорошее обучение юных умов, не позволяя учителям-невеждам, малознающим правила, или малоопытным и развращенным людям получать должность наставника юношей в такой благородной науке; ведь молодые люди, обучаясь и радуясь внешнему глянцу самого имени фехтовальщика и совершенно не заботясь о главном, не ведают подлинных красот души (пребывающей в объятиях тени, едва оставив тело), которые обладают куда большими значимостью и достоинством, чем телесные прикрасы, и разнятся так же, как сама душа, бессмертная и вечная, отличается от тела, смертного и бренного.

¹² *Agudeza de Ingenio* — это выражение меньше чем через полстолетия станет основополагающим термином эстетики, поэтики и идеологии барочного искусства, см. название трактата Бальтасара Грасиана «*Agudeza y Arte de Ingenio*» (1648).

В силу этих причин было бы верным нынче еще решительней отделить разумное обучение — что и будет сделано в ходе нашего сурового наставления — от этих разрушительных и малоценных детских забав и игр, к тому же всегда приносящих вред, коим имеет обыкновение предаваться до изнеможения нежный возраст, способный вместе с тем к занятию вещами более достойными и сложными. Ведь то, что выучат молодые люди в течение жизни, стойко запечатлется в их душах. Так, к примеру, среди римлян для этого занятия, полагаемого делом первостепенной важности, специально выбирались те, кого считали наиболее воздержанными в речах и наиболее отважными в военном деле, ибо как учит нас на очевидных примерах самый обыкновенный опыт, никто не может наставить другого в доблести и науке, если не обладает ими сам или если нельзя и ожидать того, что он ими владеет. И тогда расцвела бы в обучающихся способность к наилучшему употреблению доблести и науки, отвратились бы они от зависти, которую выказывают к своим соотечественникам, и не опечалил бы их тогда вид ближнего, идущего к славе, поскольку если они сами не стремятся выделиться, невиновен и тот, кто их превосходит. Отвратились бы они от своих злых умыслов, а не от чужой доблести, вынули бы на свет заблуждения своей жизни и перестали бы быть публичными цензорами чужих добродетелей, чтобы скрыть свои пороки (поскольку желали они, чтобы другие не продвинулись в совершенствовании и тем самым не казались бы столь дурными их собственные нравы и манера фехтования). А чтобы искусство фехтования и храбрость стали видны во всем великолепии (ведь как умело защищают себя трусливые невежды, прикрывшиеся ими словно маской), следует задуматься над тем, почему у людей пользуется одинаковым доверием как болтающий выдумки о том, что такое храбрец и фехтовальщик, так и тот, кто известен всем истинной храбростью и умелым фехтованием.

Для излечения этого обмана и устранения ущерба и убытков, которые обнаруживаются и раскрываются каждый день, нанося оскорбление Господу Богу нашему и урон благородству воинского дела, а также затем, чтобы изболтать лживость слухов, которые разносят сплетники, взял я — против своей воли — на себя управление столь тяжелым делом, чтобы не было недостатка в том, чем я обязан закону природы, не обращая внимание на воспрепятствование этих людей и не следуя мнению поэта Вакхилида, сказавшего, что единственное, что его тревожит, это ширина дороги и что каждый следует тем путем, который наилучше ему подходит¹³. Поскольку же я христианин и поборник истребления недуга и зла, естественно было для меня приняться за сей труд, чтобы искусство фехтования не осталось беззащитным и осиротелым, хотя и поджидали меня на этом пути великие и бесконечные трудности, ведь обыватели так упорны в своем невежестве, а фехтование так испорчено отсутствием смысла; к тому же я легко обнаружил, что без божественной приправы и без невероятных усилий привести в порядок столь беспорядочное дело невозможно.

Однако убедившись в итоге, что небо и земля благоприятствовали мне и что расположение людей ученых было на моей стороне, я собрал вместе главных из них и вынес на их суд предприятие, которое я обдумывал, прося их высказать о нем свои суждения; и на всех наших собраниях никогда не встречал

¹³ Вакхилид — древнегреческий поэт V в. до н. э. По-видимому, Карранса смешивает две строки поэзии Вакхилида — «Тысяча путей широки лежат. / Молве о роде твоём» (9, 48–49) и «Разным людям — разные дороги, / Чтоб взойти по ним к очевидной славе» (10, 36–37), объединенные единым мотивом славы.

я человека ученого и разумного, который бы мне возразил. Напротив, сознавая значительную пользу, которая проистекает из этого, все они ради общего блага и с большой любовью выразили свою готовность помочь мне в моих стараниях. Ведь следует знать, что невежественная чернь отличается весьма низменными мыслями и занятиями, а также неспособна она проникнуть в разумение вещей трудных и сложных и не сможет осмыслить и постичь столь высокое таинство, каковым является математика боя; потому необходимо, чтобы плебейское невежество замолкло и своей дурно направляемой удалю не чинило убытка и помех благородным и истинным занятиям фехтованием, которое они испортили в значительной степени, используя не так, как того заслуживают его достоинство и ценность, а больше для прикрытия им как щитом своих низости и трусости, нежели затем, чтобы постичь великие секреты, в этом искусстве содержащиеся. И нет никого, кто бы мог с большим основанием, чем Ваша Светлость, посмеяться над испорченным учением и ложным искусством фехтования, поскольку не растрчивал на него времени, коего заслуживали те настоящие и весьма основательные навыки, которые Ваша Светлость многократно, с большим умом и разумением применял и охотно показывал, ведь Ваш воинственный пыл побуждал Вас осуществить на практике свои умения, подтверждая их доблестной дланью. Из того, что я ни в грош не ставлю их умения, а также всячески насмехаюсь над невежеством в истинном искусстве фехтования, отнюдь не следует, что само это искусство — стоит только привести его в порядок — не будет правильным и достойным изрядного уважения благодаря Новой науке. Ранее я занимался ею из соображений пользы; завершив науку, я следую ей, и тот, кто освоит ее и вместе с тем проявит к ней снисхождение, возьмет от этой науки многое, явив истинное доказательство и наглядный пример этого искусства. И тот, кто на самом деле хочет узнать, что такое искусство фехтования, и понять, какова его мощь, нуждается, по моему мнению, помимо правил, в двух вещах — они суть благоразумие и способность действовать; при этом одна проистекает от природы и ее нельзя постичь никаким учением, вторая же достигается трудом, упражнением и постоянным подражанием¹⁴. Следует понимать, что обе эти вещи не связаны с наукой и не нуждаются в моем мастерстве, потому как я не обещаю сделать фехтовальщика и знатока боя из лентяя, который не желает трудиться, или из того, кто по своей природе не благоразумен или не даровит — а именно таким должен быть человек и в занятиях другими науками, изобретенными древними, занимаясь с рвением и быстротой ума всеми дисциплинами, ими открытыми, объединяя одни с другими (хотя они и излагали их не столь изобретательно и пышно, как писатели наших дней), однако ни одну не позабыв так прочно, как ту часть военной науки, которая обычно зовется искусством фехтования и которую я буду называть так же в моих писаниях.

Согласно тому, что я прочел и помню (исключая гладиаторство, о котором у нас нет полного знания, нет применения и которое нам не подходит), искусство фехтования оказалось совершенно заброшенным, хотя у некоторых историков и мелькают нечеткие проблески его описания, но если они, возможно, и повествовали о нем, то все это стерлось из памяти, подобно многим вещам, забытым по вине времени. По этой причине искусство это утратило ясность и попало

¹⁴ Подражание (*Imitatio*) — ключевое понятие гуманистической практики, первоначально означающее подражание стилю античных авторов (*imitatio auctorum*), а впоследствии расширенное на все виды деятельности, имеющие своей целью достижение совершенства в том или ином занятии.

во власть людей невежественных, с каждым днем все больше приходя в упадок, поскольку не имеет поддержки и опоры на любые поправки к правилам; и еще прежде искусство это было полностью лишено верного учения и открыто любой опасности, чем постепенно разрушало веру в него; и осталось совсем немного, чтобы полностью покончить с ним, ведь если не отыщется тот, кто его поднимет, иссякнет даже память о нем. В высшей степени недостойно, что занятие столь благородное и искусство столь полезное для людей доблести и чести оказалось так сильно унижено и обесценено, ведь только с ним обретается подлинная воинская слава и без него всякая крепость отдана на произвол судьбы.

Я, который с ранних лет тратил часть времени на эти занятия и по-настоящему погружен в это искусство, а также упражняюсь в нем большую часть моих дней, не могу снести, что величие и достоинство фехтования претерпевают урон; и прежде чем развлечься малыми силами моего ума, думаю я — и это будет славный взнос в уплату моих долгов — объявить, сколь велико его благородство (и пусть осознание этого факта засияет ярче от близости к людям мудрым и значительным, ведь они с благоразумием и здравомыслием и без зависти смогут лучше прочих понять все), а также, каких бы это ни стоило усилий, привести к порядку и согласию то, что доньше остается разрозненным и беспорядочным. Я не притязаю в моих записках раскрыть в полной мере технику истинного искусства фехтования, но хочу лишь назвать причины того, что должно быть изложено, потому что первым — и наиважнейшим — делом следует развенчать ложные представления невежд со всеми их делишками и обманами, ведь иначе, по мнению многих, оказались бы мы все равны в занятиях и заботе о мастерстве фехтования, а невежество и удалство сохранили бы могущество — их я и желаю обуздать главным образом, правдиво изобразив все их злодеяния. И так как в писаниях древних истинное искусство боя осталось без почета, будет справедливо, дабы я попытался придать ему своими грубыми писаниями надлежащие блеск и славу. Полагаю, что меня не обманывает мое ощущение, и даже если мое начинание не окончится благополучно, я надеюсь проторить путь благородным и великодушным умам, ученым людям, которые, движимые рвением и жадой славы, устремятся к вещам высоким и достойным их величия и тем самым смогут содействовать своими писаниями воинским занятиям, которые так сочетаются с занятиями учеными.

Взяв за образец тот правильный порядок, коим пользовались для обучения и раскрытия своих идей сначала Платон, а затем Туллий¹⁵, отец древнего римского красноречия, я расскажу в моих диалогах — настолько кратко, насколько это возможно, — теорию истинного искусства фехтования и опишу величайшую трагедию фехтовальщиков наших дней, чтобы затем, не ранив себя их уколами, свободно перейти к практике умелого фехтования, которая весьма сложна; когда же случалось мне излагать ее перед моими друзьями-священнослужителями, учеными мужьями, они признавали ее полезной и приемлемой для всеобщего блага. И если невежество того, кто прочтет эти писания, будет таково, что он не сможет совладать с их трудностью, то вина эта его, а не моя (как если бы он вышел на поединок неподготовленным). А посему мне понятно, что будет немного тех, кого вразумят мой труд и мое учение, ведь им прежде всего покажется

¹⁵ Имеется в виду Марк Туллий Цицерон, автор «Оратора», «Об ораторе», «О нахождении [материала]», основополагающих трудов по риторике и ораторскому искусству. Платон и Цицерон считались в эпоху Ренессанса образцами для подражания в жанре гуманистического диалога.

достаточно забавным исследование причин каждого действия в искусстве фехтования; а особенно тем из них, кто признан совершенным в нем и кто полагает, что отлично преуспел в этом занятии и желает вытащить на свет свое усердие и плоды своего ума. Если же по случаю будет прочитана моя книга некоторыми из них, было бы безумием ожидать, что они стали бы менять что-то в своих записях или изучать заново то, что многократно дурно использовали, а вероятнее всего, им бы и не пришлось по душе возвращение о создании Новой науки. Однако, как кажется, вполне сообразным моей цели будет предостеречь их в том, что они должны изучать или как им надлежит действовать, чтобы не ошибаться, как они это делали в своих занятиях до сих пор; и отныне и впредь все поймут, что лучше не знать вовсе, чем знать дурно то, в чем заключено столько хорошего. Если же кто-то упрекнет меня за насмешки в Диалоге о ложном искусстве фехтования, отвечу, что это важнейшая вещь в нашем повествовании, ибо многое доказывается от противного; шутки эти предназначены для людей умных и знающих, а не для тех, о ком мы ведем речь, а посему дела их будут достовернее изображены их же собственными красками. И подобно тому, как музыканты обычно добиваются созвучия струн низких и высоких, так и я хотел бы соединить серьезность бесед с легкостью и смехом комедии; и в сочетании этом заключены такие вещи, без понимания коих люди, лишь наблюдающие их со стороны, причинили немало вреда служению Господу Богу, от чьей божественной милости ожидаю я для Вас, Ваша Светлость, здоровья и долгой жизни, которых Вы заслуживаете более, чем я смогу Вам пожелать.

Перевод с испанского И. В. Ершовой

Источники

Carança 1582 — Libro de Hieronimo de Carança, natural de Seuilla, que trata de la Philosophia de las armas, y de su destreza, y de la aggressio[n] y defension christiana. Sanlucar de Barrameda: En casa del autor, 1582.

Литература

Ле Гофф, Трюон 2008 — *Ле Гофф Ж., Трюон Н.* История тела в средние века / Пер. с фр. Е. Лебедевой. М.: Текст, 2008.

Saucedo Morales 1997 — *Saucedo Morales Fr.* Jerónimo de Carranza y la escuela española de esgrima: Tesis doctoral / Facultad de Ciencias de la Actividad Física y del Deporte (INEF) (Universidad politécnica de Madrid). Madrid, 1997.

References

Le Goff, J., & Truong, N. (2006). *Une histoire du corps au Moyen Âge*. L. Levi. (In French).

Saucedo Morales, Fr. (1997). *Jerónimo de Carranza y la escuela española de esgrima* (Doctoral Thesis, Faculty of Physical Activity and Sports Sciences (INEF) (Polytechnic University of Madrid).

* * *

Информация об авторе

Ирина Викторовна Ершова

*доктор филологических наук
профессор, зав. Лабораторией историко-
литературных исследований, Школа
актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
ведущий научный сотрудник,
Отдел классических европейских
литератур Запада и сравнительного
литературоведения, Институт мировой
литературы
им. А. М. Горького РАН
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская,
д. 25а
Тел.: +7 (495) 690-50-30
✉ i.v.ershova@list.ru*

Information about the author

Irina V. Ershova

*Dr. Sci. (Philology)
Professor, Director, Center for Studies
in History and Literature, School
for Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
Leading Researcher, Department of Classical
Western Literature and Comparative
Literary Studies, A. M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy
of Sciences
Russia, 121069, Moscow, Povarskaya Str.,
25a
Tel.: +7 (495) 690-50-30
✉ i.v.ershova@list.ru*